

Лорд Джон Старк

"Причина восстания", - сказал Джон, "в том, что Таргариены забыли, что у них больше нет драконов". Он взглянул на мейстера, ожидая одобрения, и глубоко вздохнул. "Эйгон Завоеватель и его сестры-жены объединили Королевства, имея единственное оружие, которому никто не мог противостоять. Именно из-за драконов Торрхен Старк преклонил колена, именно поэтому все так поступили. Драконы вымерли, и хотя некоторые из королей Таргариенов были добрыми и справедливыми, многие из них не имели достаточно дальновидности, чтобы понять, что самый прочный фундамент их трона исчез. Они царили безраздельно, хотя уже не были такими сильными, как прежде. И когда Безумный Король и принц Рейгар действовали так, как будто они могли делать все, что хотели, без каких-либо последствий, Верховные Лорды поняли, что власть Таргариенов была иллюзией в тот момент. Если бы Эйрис и Рейгар знали о своих собственных ограничениях, они могли бы действовать более осмотрительно, и восстание никогда бы не произошло". А тетя, дядя и дед Джона вместе с тысячами других хороших людей, возможно, все еще живы

Мейстер Крессен одобрительно кивнул. "Очень хорошо, Лорд Старк". Он посмотрел в сторону Джона. "А что могли бы сделать Таргариены иначе, Лорд Лорас?"

Лорас наморщил нос и покрутил перо между пальцами. Его нога болталась, как будто сидеть неподвижно было самой трудной задачей дня. Джон понимал его. Как бы ни были иногда интересны их уроки, Джон предпочел бы находиться на тренировочном дворе, и он знал, что Лорас с ним согласен. "Ну", - наконец сказал Лорас. "Может быть, если бы они не женились все время на своих собственных сестрах".

Мейстер Крессен кивнул. "Ценя брачные союзы выше чистоты крови, они могли бы получить больше союзников", - согласился он. "А исследования, проведенные в Цитадели, действительно показывают, что безумие чаще случается, когда в родословную слишком долго не вливается новая кровь. У Таргариенов действительно была более чем справедливая доля безумия".

Лорас кивнул в знак согласия, продолжая покачивать ногой. Как бы Лорас ни ненавидел их уроки и ни презирал маленького старого мейстера, Джон был рад его присутствию. Прошло уже больше года с тех пор, как леди Оленна покинула Драконий Камень и оставила Лораса оруженосцем у дяди Джона, Эртура, но Джон все еще помнил то время, когда его разъедало гнетущее одиночество, долгие ночи, которые он проводил, оплакивая то, как сильно он скучал по Роббу и Арье. То немного свободное время, что у него было, он проводил, бродя по катакомбам под Драконьим Камнем и катаясь верхом вдоль скалистых берегов, постоянно поворачивая голову, чтобы поговорить с братом. И хотя Лорас не был Роббом и никогда им не станет, Джон был ему благодарен. Даже если большая часть свободного времени Лораса уходила на то, чтобы полировать доспехи дяди Эртура и заниматься тем, чем занимались оруженосцы южан, у Джона тоже оставалось все меньше свободного времени. Дядя Бенджен водил его слушать прошения и вместе с ним прошелся по книгам. Тетя Дейси брала его с собой осматривать корабли, разговаривать с экипажами и изучать морские пути. Дядя Эртур тоже никогда не позволял ему расслабляться на тренировках, хотя Джон этого и не хотел. Даже если Джон не видел смысла в турнирах и не собирался когда-либо участвовать в них, он хотел быть настолько хорош, насколько это было возможно, если он когда-нибудь попадет в ситуацию, когда это будет иметь значение. Его вассалы тоже продолжали приходить на зов, и по какой-то причине теперь он им действительно нравился. Это облегчало дело, так что Джон не задавал слишком много вопросов, но они не нравились ему в ответ, учитывая тот угол, в который они загнали его в первый раз, когда он встретил Велариона.

Все это не означало, что Джон больше не ходил в катакомбы. Он не знал, смог бы он держаться подальше, если бы захотел. Несмотря на то, что склепы Винтерфелла всегда вызывали у него отвращение, катакомбы Драконьего Камня взывали к нему, говорили ему, что он дома, и было трудно прожить больше нескольких дней, не спустившись туда. Ему хотелось бы сказать, что теперь он знает их как свои пять пальцев, но это было бы ложью. Каждый раз, когда он думал об этом, он находил какой-нибудь новый туннель, какой-нибудь новый закоулок или трещину, втягивающую его внутрь.

Зов был особенно сильным в тот день, оставив его достаточно рассеянным во дворе, чтобы Лорас бил его чаще, чем никогда, достаточно, чтобы он случайно порезался во время обеда и должен был попросить прощения, прежде чем он не выдержал. Он свернул с тропинки, которая в последний момент должна была привести его обратно в покои, и спустился с факелом по винтовой лестнице в подвал. Оттуда он двинулся в подземелье, а затем через маленькую дверь в углу, которая была наполовину прогнившей. Еще несколько пролетов грубо обтесанных каменных ступеней, и ему стало легче дышать. Запах соли и серы окутал его, как одеяло. Жар поднялся вокруг него, заставляя блестеть пот на его коже, и Джон почувствовал, что впервые за весь день дышит свободно. Иногда такое уже случалось, и он шел сюда, чтобы найти облегчение, но сегодня все было не так. Что-то продолжало дергать его, заставляя снова задыхаться в течение нескольких коротких мгновений, заставляя его горло сжиматься, а грудь болеть. Едва покрытый коркой порез на его руке пульсировал.

Он вошел глубже, позволив странному тянущему ощущению вести его. Он уходил все глубже и глубже. Его шаги эхом отдавались вокруг. Туннели, по которым он шел, постепенно становились все более неровными, все более грубо вырубленными. В стенах поблескивало необработанное драконье стекло. Большая его часть была черной, как гагат, но через каждые несколько шагов некоторые из них становились другими, красными, синими или желтыми, всеми цветами радуги. Это зрелище успокаивало, заставляло его чувствовать себя защищенным каким-то странным образом, который он даже не мог понять.

Он не был уверен, как долго уже шел, когда стены туннеля, в котором он находился, начали сглаживаться, отмечая древний проход расплавленного камня, от одного из древних извержений Драконьего Острова. Залежи драконьего стекла, казалось, становились только богаче и красочнее, чем глубже он погружался, и он постепенно чувствовал себя более умиротворенным, хотя тяга глубоко в животе все еще была там. Звук его собственных шагов эхом отдавался вокруг, а факел в его руке вспыхнул от газов в воздухе. Как будто извне ему пришло в голову, что здесь, внизу, ему будет не так легко дышать. И так оно и было, так что сомневаться в этом было бесполезно. Он повернулся и уставился в туннель перед собой. Это было одно из тех мест, где он никогда раньше не бывал, он был почти уверен в этом. И именно сюда направляла его та тяга в животе. Он сделал глубокий вдох, вдохнув воздух с запахом слишком похожим на запах тухлых яиц, и последовал безмолвному зову.

Туннель оказался шире, чем он ожидал, учитывая, как глубоко, по его расчетам, он должен был уйти. Его факел снова вспыхнул. Он продолжал гореть, но еще более тускло, чем прежде. Он смутно осознавал, что, возможно, ему следует побеспокоиться о собственной способности найти дорогу обратно на поверхность. Но это было не так. Не могло быть. Несмотря на извилистые изгибы катакомб и расплавленные туннели, Джон каким-то образом всегда находил дорогу обратно, не делая ни единого неверного шага. У него не было причин думать, что сегодня все будет по-другому. Он протянул руку и провел ладонью по гладкой поверхности стен туннеля. Пламя его факела отражалось в случайном куске обсидиана, отражавшем весь попавшей на него свет всеми цветами спектра, словно призма. Здесь было так красиво, что он не знал, как это объяснить, не знал, поймет ли кто-нибудь когда-нибудь. Его одежда липла к телу от пота, а сера тяжело давила на нос, хотя это и не очень сильно действовала на него.

Здесь было жарко, как в аду, а это потустороннее великолепие здесь внизу, отдавалось в сердце сильнее, чем даже замок наверху мог когда-либо надеяться, это место было сердцем острова.

Джон продолжал следовать безмолвному зову.

Несмотря на то, что он ожидал, что туннель сузится, его ширина осталась прежней, хотя стены стали менее гладкими. В стенах виднелись прорехи, как будто что-то огромное и нечеловеческое вырезало этот последний отрезок туннеля. И это был последний отрезок пути. Он чувствовал это где-то глубоко внутри. Тяга становилась все сильнее, что-то близкое к физической боли, хотя облегчение продолжало терзать его, как обещание, которое вот-вот должно было исполниться. Его пальцы скользили по желобкам стен, а факел отбрасывал вокруг него разноцветные тени и вспышки света. Под его ногами стали видны маленькие дырочки в полу, дышащие паром и жаром вокруг него. Сквозь них он услышал далекий, довольный рокот, словно из огромного кипящего котла с супом.

Туннель резко изогнулся, и Джон последовал за ним. Внезапная боль пронзила его руку, и он тут же с шипением отдернул ее от стены. Из скалы рядом с ним торчал острый кусок обсидиана. Кровь хлынула из второго пореза на его ладони, более глубокого, чем простая царапина, которую он умудрился получить от своего мясного ножа за обедом. Он стиснул зубы, нагнулся, чтобы вытереть кровь с бриджей, и продолжил свой путь. Туннель снова изогнулся, и когда Джон вышел из-за поворота, он оказался в тупике.

Туннель расширился, превратившись в пещеру, странно закругленную и все еще испещренную этими нечеловеческими бороздами, похожими на раны в скале. В конце его виднелось странное образование, похожее на птичье гнездо, сделанное из острых камней. Здесь в полу открылось еще больше дыр, и пар и дым закрывали ему обзор. Он осторожно обошел их, направляясь к похожему на гнездо строению. Он забрался на него и осторожно сел, не сводя глаз с камней в центре предполагаемого гнезда. Там лежали четыре камня странной формы. Они были похожи на куриные яйца, но гораздо больше и окрашены так же ярко, как залежи обсидиана, мимо которых он проходил. Но выглядели они довольно странно, как будто сами камни были покрыты чешуей.

Тяга была почти невыносимой.

Джон не стал останавливаться, чтобы подумать, а просто последовал этому потустороннему инстинкту, который велел ему протянуть руку и прикоснуться. Кровь из его открытой раны размазалась по острым чешуйкам овальных камней, когда он провел пальцем по каждому из них. Странно, но кровь, казалось, оставалась лишь на мгновение, прежде чем исчезла, как будто сами камни поглощали ее. Где-то в глубине его головы кричал здравый смысл. Что он здесь делает, порезавшись и, скорее всего, заразив рану? Как бы это ни было недостойно, он должен был идти прямо к мастеру, получить швы и мазь и лечь спать. Должно быть, уже поздно, ближе к рассвету, чем к ночи. Он не был уверен, что когда-либо раньше заходил так глубоко. Он глубоко вздохнул, надеясь прочистить голову, несмотря на сернистый дым вокруг, и поднявшись на ноги, повернулся, чтобы уйти.

Тем не менее ноги отказывались повиноваться его командам.

Напряжение в животе усилилось, становясь таким болезненным, как будто он поранил не просто ладонь, а что-то вонзил себе живот. Он снова повернулся к скалам, и какой-то неведомый инстинкт подсказал ему, что он не может покинуть их. Застонав, Джон расстегнул свой плащ и превратил его в сумку. Затем он собрал камни и положил их внутрь, размазывая

еще больше крови по их неестественно теплой, живой поверхности, и еще больше заноса грязь в рану. Стиснув зубы, он взвалил сумку на плечо и начал медленный, трудный путь обратно на поверхность.

Он не мог сказать, почему остановился, чтобы отломить кусок ярко-красного обсидиана, о который порезался, но тот тоже оказался в его сумке. Это была единственная часть его обратного пути, которую он помнил.

Следующее, что он помнил, это то, что он снова был в своих покоях, сидя перед камином с овальными камнями, разложенными перед ним. Они все чувствовались ужасно холодными, вне жара катакомб. Камни должны быть холодными, напомнил он себе, но почему-то сейчас все казалось иначе. Что-то внутри него закричало в знак протеста против холода, закричало о неправильности. Так что один за другим он подбирал камни и клал их в камин, прежде чем разжег огонь как можно выше, не обращая внимания на то, что он никогда не был особенно полезен для камина. После того как он вырос на севере, Драконий Камень всегда казался ему очень горячим, но ему нужно было нагреть камни, что бы ни случилось.

"Ты сходишь с ума!" Закричал разумный уголок его сознания. Джон проигнорировал его и отвернулся от камней, и наконец его разум снова стал принадлежать ему самому. Он посмотрел на свою ладонь и поморщился, увидев на ней рану. Рана оказалась не такой глубокой, как он опасался, но все же достаточно глубокой, и из нее все еще сочилась кровь. Корка была покрыта осколками камней и грязью. Он поморщился, сжал руку в кулак и быстро разжал ее, когда острая боль заставила его передумать. Уже смущенный известием о предстоящей лекции, он отправился к Крессену, чтобы привести ее в порядок.

Хотя он и понимал, что это глупая затея, но все равно не мог не обратить внимания на боль в животе, и на следующий вечер он вытянул руку так, что знал, что разорвет швы, и она снова начнет кровоточить. Он еще раз размазал кровь по камням и вздохнул с облегчением, которое это действие принесло, прежде чем отправился к Мейстеру Крессену, чтобы снова все продезинфицировать. Три ночи спустя он знал, что больше не сможет найти оправданий того, чтобы он вновь открыл ту же самую рану. Кроме того, это мешало ему работать с мечом.

Он осторожно вскрыл второе предплечье. Вместо того чтобы размазать кровь, он осторожно капнул ее на камни, наблюдая, как поднимается пар там, куда попадает каждая капля, прежде чем перевязал себя и лег спать.

И он даже не осознал, что зов катакомб, который длился все то время, пока он был на Драконьем Камне, наконец прекратился.

<http://tl.rulate.ru/book/40965/901082>